

Наш сад. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://prishvinmihail.ru/> приятного чтения!

Наш сад. Михаил Михайлович Пришвин

Рассказ

Было это очень давно, еще в царское время и даже не при последнем царе. Мы жили тогда в небольшом рыжем домике – три окошка на улицу и позади сад. В нашем небольшом городке в каждом домике было: окна на улицу, в пыль, а позади сады, разделенные заборами. Так было всюду в старое время, и сама Москва ничем не отличалась от провинции. В наше старое время было правило, что впереди – для всех – пыльная улица, а позади дома сад для себя.

Было как-то раз, приходит однажды в наш домик на Дворянской улице мужичок средних лет в синей блузе. Волосы у него русые, длинные, глаза голубые, острая борода.

– Здравствуйте, добрые люди! – сказал мужичок. – Хлеб да соль!

– Милости просим! – ответила мать.

За спиной у гостя была сумка, в правой руке палка-писанка самодельная, в левой оказалось самое главное: ящик с красками.

– Я художник, – сказал он матери. – Нельзя ли у вас остановиться на все лето?

– Рада бы, – ответила вежливо мать, – да поглядите сами: тесно, куда я вас дену?

– Баня у вас в саду свободная, – сказал художник, – я бы жил в ней, а когда плоды поспеют, я бы сад караулил.

А это такая правда была о карауле: бывало, как только плоды начинают поспевать, у нас по всему городу воры зубы на яблоки точат, прямо настоящая война начинается; хозяева даже и спят в садах с ружьями.

Возможно ли было нашей бедной матушке с малыши детьми охранять сад от разбойников? Конечно, сад был с плодами не каждый год. Но как раз в этот год, когда пришел к нам художник, яблоки и груши завязались с большой силой, и урожай ожидался большой. Вот почему предложение художника очень понравилось матери, и она ему так сказала:

– Я вдовой осталась с кучей маленьких детей, мне очень трудно сад караулить. Я бы, конечно, и очень рада была вас пустить в баню, да только мне совестно: вы же не знаете, какая эта баня внутри – не баня, а завалюшка, мы больше в ней и не моемся, и сколько в ней мусору!

– Крыша еще не разъехалась? – спросил художник.

– Единственно только крыша, кажется, и ничего: даже не каплет, ответила мать.

– Не каплет? – повторил художник. – А что еще нужно? Мусор же, какой бы он ни был и сколько бы его ни было, я уберу и мешать вам ничем не буду: обед буду варить себе сам.

Мать, конечно, обрадовалась такому жильцу и пустила художника в баню.

И как же нам с Сережей понравился этот художник! Может быть, это детство наше так сказывается, но, мне кажется, во всей своей долгой жизни я не встречал таких добрых людей. Он с того начал в саду, что возле самой бани вырыл глубокую яму и велел нам таскать в нее всякий хлам из бани: обломки кирпичей, гнилушки, железки, тряпки, ведра без дна. Набралась целая яма всякой такой дряни. После того мы яму со всех сторон засыпали землей, утоптали, и баня стала чистая.

Мать пришла поглядеть, принесла белые тряпочки, столик, постелила, похвалила нашу работу и позвала художника обедать.

– Сделайте милость, – ответил художник, – никогда меня не зовите и ничего больше

Наш сад. Михаил Михайлович Пришвин prishvinmihail.ru
для меня, пожалуйста, не делайте: у меня такой принцип, чтобы делать все, по возможности, самому и людей своею особой не затруднять, особенно людей таких хороших, как вы. Я и так не знаю, как вас благодарить за сад. Как хорошо он зарос, какая тишина: ни один листик не шевельнется.

- Да, - ответила мать, - погода стоит прекрасная. Только старайтесь ничем не задевать соседа: у нас с ним спор постоянный, почти что война. И только все из-за одного дерева. Вышло так, что почти половина веток с дерева свешивается через забор и груши падают на его сторону. Мы, однако, не из-за того с ним спорим: что пало, то и пропало для нас, то пусть и будет его. Спорим мы с ним из-за того, что он всякими способами нахально помогает грушам падать на его сторону. "Дерево, - говорю я, - стоит у меня - мое дерево, и плоды мои". - "Не все дерево стоит на вашей земле, отвечает он, - у вас только корень, а ветки мои; у вас оно только стоит, а меня оно любит". Так ведь мало того, что трясет на свою сторону с тех веток, - еще и длинным шестом с гвоздиком достает груши и с нашей стороны. В чем-нибудь он непременно и к вам придерется и вас достанет своим проклятым шестом. Это очень дурной человек, и недаром ему дали такое прозвище...

Мать не посмела выговорить прозвище соседа.

- А я очень люблю эти народные прозвища, - сказал художник. - Если можно, то, пожалуйста, скажите.

Мать ответила:

- Впрочем, ничего особенного. Его все в нашем городе называют Проглотом.

Вот теперь подходит рассказ мой к тому самому, из-за чего я на всю жизнь определился садовником и люблю садовое дело больше всякого и могу по-настоящему делать только сады. Скорее всего, думаю, любовь эта моя к саду пришла мне от художника, это он, наверно, обратил глаза мои навсегда в ту сторону. Все лето он писал наш запущенный сад, и как это у него выходило чудесно, я до сих пор никак понять не могу. Начинает он писать какой-нибудь листик или веточку, грушу или яблоко, - просто похоже, и больше ничего. После того, за этой обыкновенной грушей или яблоком, пишет не так уж явственно, зато более привлекательно: глядишь - и тянет тебя не к этому первому, а куда-то подальше. С каждым шагом в этом саду на картине тебя тянет все сильнее и сильнее вдаль. Кажется, будто кто-то взял тебя за руку и уводит; чем дальше, тем становится все лучше и лучше, и плоды разные умоляют тебя их попробовать...

Слышал не раз я, что сны такие бывают, но сны-то ведь проходят, а картина, сделанная художником, остается. Я и теперь, на старости лет, в руке держу ведро с коровьим жидким навозом, обмазываю яблоньки, а сам вижу тот незабываемый сад, без противных старых заборов. Картину сделал художник, - так почему я не могу сделать такой сад? Вот из-за этого я и стал на всю жизнь садовником.

Наш жилец хорошо выполнял свое обещание стеречь сад. Он всегда ставил свой мольберт против той груши, что стояла в нашем саду, а ветками любила соседа. На мольберт он ставил свой большой холст на подрамнике, и сосед никак не мог видеть, что же именно делает художник.

День проходит за днем, и разбирает соседа любопытство, а может быть, и досада: если художник все лето будет торчать, закрываясь холстом, как же тогда воровать наши груши?

И вот однажды Проглот не выдержал, подзывает нас с Сережей и спрашивает:

- Что он там делает?

Мы ответили:

- Художник пишет груши.

Так прошло сколько-то времени, груши начали желтеть. Проглот опять нас подзывает:

- Что он сейчас пишет?

Мы отвечаем:

- Художник пишет груши.

Проглот разозлился:

- Все одни только груши и пишет?

- Зачем одни: раньше писал зеленые, а теперь пишет желтые. Как они вкусны, спелые, желтые груши! Поди-ка их съешь!

И показали ему языки. Он рассердился и кинул в нас палкой, но не попал. Мы же ему эту палку - обратно, и ему пришлось прямо по шее. Художник расхохотался, а Проглот всем нам кулак показал и крикнул:

- Вот вы дождетесь, скоро я всем вам покажу кузькину мать!

Ну и, конечно, показал нам, и вот как это было.

Обед готовил себе художник всегда сам, и, видно, в этой заботе он находил себе отдых от работы. Мы же ему с базара все приносили: гречневую крупу, масло, чай, сахар, лук, селедки, огурцы, рыбу. Что скажет, то и принесем.

Было раз так, что художник сел за обед, и кот чей-то, желтый, тигровый, роскошный, приходит и тоже садится за стол рядом с художником.

- Здравствуйте! - приветствовал его художник.

Поласкал его, а кот поднял хвост и запел.

Долго любовался художник котом, и даже мы с Сережей, маленькие люди, поняли, как бедному художнику трудно жить одному, если он коту этому, как милому другу, обрадовался.

И что же, подумайте! На другой день, точно в тот час и минуту, кот является к обеду. День за днем проходит, и кот не пропускает ни одного обеда. Мало того! Как-то раз после обеда кот идет за художником на место работы, трется щекой о мольберт.

Художник и говорит ему:

- Перебирайся-ка, друг, к нам совсем, будем с тобой жить хорошо.

В ответ художнику кот повел себя так, будто он понял предложение жить и согласился. Только на какие-нибудь десять минут он убежал и опять появился совсем.

Плохо было, что все эти разговоры с котом Проглот слышал и хорошо понял, каким большим другом нашим сделался кот.

Сказать, что кот так-таки неотрывно и жил у нас, я не могу. Он жил, как все коты: уходил надолго, показывался на чужих крышах, на заборах. Обедать, однако, он всегда приходил и спал постоянно на одной постели с художником.

Случилось однажды, художник очень увлекся своей картиной, и мы тоже замерли в удивлении: груши, яблоки, плоды всякого цвета свешивались массаами, и людей никого не было в этом саду, а нам отчего-то казалось, будто мы там, в саду невидимками, и много детей всяких, и все невидимки.

Какой это чудесный был сад на холсте! Куда девались все наши почерневшие от времени заборчики! Никаких заборов на картине, один только сплошной сад, и в нем невидимками люди.

Вдруг, очнувшись, мы видим: на той стороне забора нашего сада Проглот держит в руке нашего кота и надевает ему на шею петлю...

Мы толкнули художника.

- Что ты делаешь? - закричал он.

- Я обещал вам, - ответил Проглот, - показать кузькину мать. Вот и глядите: он съел у меня сорок цыплят.

- Отдай кота, - сказал художник. - Я тебе за цыплят заплачу.

- Ладно, - отозвался Проглот. - По гривеннику за цыпленка дадите, я погожу вешать кота.

Мы получили приказ взять в бане новые штаны художника и бежать, бежать на базар что есть духу, продать не меньше как за четыре рубля и немедленно возвращаться с деньгами к Проглоту.

В один миг прибежали мы на базар и тут одумались.

- Как же быть, Сережа, - говорю я, - нехорошо будет художнику остаться без новой одежды. Погодим продавать, подумаем.

Сели мы на чью-то лавочку возле одного домика, стали думать и ничего другого не могли найти, как бежать обратно к маме и все ей рассказать.

- Вот что, детки, - сказала нам дома мать, - вы очень хорошо сделали, что пришли со мной посоветоваться. Даю вам четыре рубля, а брюки у меня оставьте. Только смотрите не говорите, что у вас есть деньги; скажите проклятому Проглоту: денег достать не могли, и хотите - заплатим грушами: по груше за цыпленка, как раз сорок груш. Если же не согласится, заплатите четыре рубля и возьмите кота.

Мы так и сделали. Пока художник обедал, натрясли Проглоту сорок груш, взяли кота, вернули художнику, а брюки мама ему сама принесла.

- Я же вас просила, - сказала она, - не связываться с Проглотом. Зачем вы это сделали? Вот он и показал вам кузькину мать.

Вот эта какая-то страшная "кузькина мать" оставалась у нас в душе с тех пор. И чем я старше делался, тем яснее мне становилась эта злая сила между людьми, разделенными друг от друга заборами.

Много с тех пор прошло времени... Насадил мы в городе новый, большой сад впереди домов, обнесли его решеткой с узорами, и покрасили ее в зеленый цвет. Много людей работало над этим садом, и я всегда у них был старшим садовником. И как видел я на картине сад без заборов, так и мы теперь делали этот самый сад. Какие дорожки в нашем саду, какие загадочные воротца между деревьями, какие встречи бывают между людьми на дорожках!

С утра до ночи я за садом приглядываю и указываю разное моим помощникам. Тогда уж когда совсем стемнеет, ворота в нашем саду запираются. Живу я тут же в маленьком домике, и ключ от ворот у меня.

Так у нас вышел сад и стал впереди домов. Да и в Москве тоже так делается: раньше сады были позади - для себя, а теперь они выходят вперед и для всех.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://prishvinmihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!